

ДМИТРИЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Доктор исторических наук, профессор Исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)

mdmitriev@hse.ru

<http://www.hist.msu.ru/departments/8825/people/teachers/26350>

<https://www.hse.ru/org/persons/24765665>

«Средневековье» и «модерность»? Две необходимые иллюзии в контексте вопроса о «национальном»

В краткой полемической статье поднят вопрос о том, возникли ли дискурсы этнонациональной идентичности политических сообществ на самом деле в Новое время, как принято считать под влиянием школы «конструкционистов», или они имеют средневековое происхождение. Обращение к опыту изучения «национального чувства» в средневековой Франции позволяет предположить, что идеологии национализма эпохи Французской революции 1789 г. оставались во власти ментальных конструкций, возникших уже в Средние века. В этом измерении «модерность» остается «Средневековьем», и в этом отношении различие между этими двумя историческими эпохами едва ли не иллюзорно.

Ключевые слова: генезис национализма; нации; национальное; средневековая Франция; этнонациональное.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дмитриев М. В. «Средневековье» и «модерность»? Две необходимые иллюзии в контексте вопроса о «национальном» [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). С. 192–208. URL: <http://voxmediiavei.com/2019-2-dmitriev>

MIKHAIL DMITRIEV

Doctor of Sciences (History), Professor at the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow at the Centre for Medieval Studies, National Research University "Higher School of Economics"
mdmitriev@hse.ru

<http://www.hist.msu.ru/departments/8825/people/teachers/26350>

<https://www.hse.ru/org/persons/24765665>

“The Middle Ages” or “Modernity”? About Two Necessary Illusions, in the Context of the “Nationality” Issue

This short polemical article treats the issue of whether the discourses of ethnonational identity of political communities emerged, in fact, in the modern period, as it is frequently claimed due to the impact of “constructionists” in the area of “nationalism studies”, or if these discourses were formed in the Middle Ages already. Evidence from French medieval culture makes it possible to insist that national ideologies in the epoch of the French revolution of 1789 were built upon mental constructions which originated in the Middle Ages. In this respect “modernity” remains “medieval” and the alleged difference between the two historical periods turns out to be very illusive.

Key words: ethnonational; genesis of nationalism; medieval France; nation; national.

FOR CITATION

Дмитриев М. В. «Средневековье» и «модерность»? Две необходимые иллюзии в контексте вопроса о «национальном» [Digital Resource] [Dmitriev M. “The Middle Ages” or “Modernity”? About Two Necessary Illusions, in the Context of the “Nationality” Issue] // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2(5). P. 192–208. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2019-2-dmitriev>

«Средневековье» и «модерность»? Две необходимые иллюзии в контексте вопроса о «национальном»

К сегодняшнему дню уже сложился консенсус относительно соотношения слов «Средневековье» и «модерность» с онтологическими реалиями социальной, политической, культурной и экономической истории, которые за ними, как принято думать, стоят¹. С другой стороны, более или менее бесспорно и общепризнанно, что понятия «Средневековье» и «модерность» — не более чем конвенции; что мы их употребляем за неимением лучших; что они непригодны за пределами «старой» Европы; что они связаны, соответственно, с тем типом развития, который воплотился именно в «старой» латинской Европе. Однако самый наш академический язык устроен так, что обойтись без этих двух слов мы не можем — по трем причинам.

Во-первых, хотя бы потому, что именно эти слова в контексте нашего языка и в пространстве научного общения позволяют ориентироваться во времени, служат своего рода навигатором в потоке прошлого. Мы говорим о средневековой Руси и понимаем, что речь идет о периоде до конца XV в.; о средневековой культуре — и понимаем, что имеется в виду культура латинского мира до того времени, когда мощным явлением стал гуманизм, и до тех пор, пока не наступила эпоха барокко; мы говорим о быстрой модернизации Англии и Голландии в XVII–XVIII вв., медленной модернизации Франции и отсутствии модернизации в Польше того же времени и понимаем, что имеет в виду наш собеседник или читаемый нами автор.

Во-вторых, помимо роли навигатора, два интересующих нас понятия имеют и сильные аксиологические акценты. То,

1. В данной научной работе использованы результаты проекта «Модели представления прошлого в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

что нам *нравится*, мы связываем с «модерностью»; то, что большинству (в которое не входит клуб романтиков, *любящих* Средние века) не нравится (тяжелый быт, сословное неравенство от рождения, монархический деспотизм, отсутствие интеллектуальной свободы для людей вроде Абеяра или русских иудаизантов, право первой ночи, барщина, нудная схоластика и т. п.), связывается со Средневековьем. Так будет оставаться до тех пор, пока не произойдет революции в школьном образовании, а эта революция и на горизонте пока не видна. Поэтому, горько вздохнув из-за неудовлетворенной страсти к научной точности, мы все равно *volens nolens* будем продолжать твердить о Средних веках и модерности.

Третья, если позволено так выразиться, *выгода* от употребления и противопоставления этих слов — это выгода типологическая, которая является оборотной стороной мистифицирующей функции тех же понятий. «Средневековье» и «модерность» суть две мифологемы, позволяющие тем не менее идентифицировать уникальность и типологическую идентичность именно западноевропейской модели развития в V–XV и в XVI–XIX вв. Это уже позволяет примириться с использованием слов «Средние века» и «Новое время», но лишь тем, кто разделяет мнение о неомогенности исторического процесса.

Таким образом, я бы предложил исходить из того, что «Средневековье» (как и «модерность») в том смысле, в каком мы употребляем это понятие в нашем университетском обиходе, не адекватно тому, что «было на самом деле» в эпоху, называемой нами же Средними веками. Но это понятие в самом деле нужно и даже необходимо, поскольку без него мы потеряемся в дебрях нашего языка. В этом — вопреки неадекватности самого термина — состоит научно-познавательное значение той *иллюзии*, которую мы называем «Средневековьем».

Но этим польза мифа о «Средних веках» не ограничивается. Не менее полезно и то, что соотношение и сравнение со Средними веками позволяет разобраться с современным и немодерным в самой модерности. Слово «модерность» есть, конечно же, не что иное, как калька с английского *modernity*.

Оно ассоциируется в нашем академическом языке и в языке наших студентов-магистрантов, во-первых, с тем, что первоначально происходит в определенном регионе мира, а именно в Европе и только в Европе, точнее, в ее западной, северо-западной и центральной частях; во-вторых, с тем, что наступило *после* Средних веков, то есть начиная с XVI в.; в-третьих, с тем, что «прогрессивно» и «хорошо», в отличие от *не-хорошего* и *не-прогрессивного* Средневековья.

Проясняя сказанное выше, в моей краткой полемической заметке я хотел бы опереться на пример и научных исследований, и практики «созидания памяти» в области истории наций, национализма и «этнического». Именно аксиологический аспект нашей манеры представлять *modernity* как едва ли не антипод Средним векам представляется мне самым существенным в контексте проблемы, которая находится в центре внимания данной статьи. Эта проблема может быть представлена в форме вопроса-сомнения: в самом ли деле феномен «национального» и, соответственно, национализма есть феномен «модерности», то есть чего-то *пост-средневекового*?

Для достижения взаимопонимания необходимы несколько терминологических комментариев. Из десятков дефиниций национализма я возьму две самые простые: а) национализм — идеология и общественное движение, ставящие целью построить и легитимизировать партикуляристское государство на основе дискурсов национальной идентичности; б) национализм — система высказываний и действий, противопоставляющих интересы «своей» нации интересам других наций.

Соответственно, под нацией понимается общество, которое, с точки зрения одних историков, себя таковой не только мыслит, но и является таковой на самом деле; то есть это сообщество солидарных со своим государством граждан, объединенных общностью прав и обязанностей и разделяющих, по мнению этих историков, некую общую национальную идентичность. По мнению других историков, как мы знаем, нацией нужно называть только тех, кто себя

нацией вообразил. Так называемая объективная культурная идентичность нации в этом случае считается мифом². Национализм и нации вместе дают феномен «национального» в нашем современном мире и в наших представлениях о мире.

Под этническим же я понимаю то, что нам велят понимать под этим словом наши учебники, большинство журналистов и политиков, а также словари иностранных слов: «Этнический [от греч. *ethnikos* — племенной, народный] — связанный с принадлежностью к какому-либо народу, относящийся к нему, например “этническая группа”, “этнический состав населения”»³. «Коротко этнос можно определить как *осознанную культурно-языковую общность*» (курсив авторов)⁴.

Главный же вопрос этого очерка заключается в следующем: нации, национализм, национальное и этническое, присутствующие в нашем мире объективно, «сами по себе» (согласно одним голосам в ученом и неученом мире), и присутствующие лишь в нашем воображении (согласно другим голосам в том же ученом и неученом мире) — как эти нации, национализм, национальное и этническое связаны со Средними веками и модерностью? Вопрос совсем не нов, и долгое время, воспитанные советской школой, а потом и университетами, мы веровали (вместе с марксистом Ю. В. Бромлеем⁵ и вовсе не марксистом Э. Смитом⁶), что нации и национализм вырастают из онтологических этнических традиций, создавших некие средневековые «народности», которые якобы и составили прочный фундамент для возникновения современных и современных наций.

Однако уже в советской науке появлялись сомнения в онтологическом характере «этнического» в Средние века и «национального» в Новое время; потом многие узнали о так называемом «конструкционистском» понимании нации (главный плод исследований «конструкционистов» может быть выражен формулой из трех слов — «нации создаются националистами»; самые заметные представители «конструкционистов» — Г. Кон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Ж. Брейи, Б. Андерсон, Р. Брубейкер, Э. Кедури⁷). Сегодня, тем не менее, в России и в странах бывшего СССР снова в чести старая марксистская

2. Далее позиции тех или иных историков в отношении «наций» и «национального» рассмотрены более детально; см. также сноски 5–7 ниже.

3. Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 608.

4. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 29.

5. Бромлей Ю. В. 1) Очерки теории этноса. М., 1983; 2) Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.

6. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. Позднее Э. Смит стал писать не об «этнических», а об «этносимволических» истоках наций: Smith A. 1) The Genealogy of Nations: An Ethno-symbolic Approach // When is the Nation? Towards an Understanding of Theories of Nationalism. London, 2005. P. 94–112; 2) Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. London, 1998; 3) Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge, 2001; 4) Social and Religious Origins of Nations // The Rights of Nations: Nations and Nationalism in a Changing World. New York, 1999. P. 26–44; 5) Chosen Peoples. Oxford, 2003.

7. Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in its Origins and Background. New York, 1961 (первое издание вышло в 1944 г.); Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982; Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1982; Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Cambridge, 2003; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised edition. London, 1991; Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996. См. также, например: Llobera J. R. The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe. Oxford; Providence, 1994; Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994; Forné J. Les nationalismes identitaires en Europe. Les deux faces de Janus. Paris, 1994.

(или квазимарксистская) концепция именно «объективных», онтологических истоков национальных конструкторов и наций Нового времени.

Но к какой бы школе мы ни присоединились, вопрос о месте Средних веков в генезисе наций остается очень существенным. И при взгляде на нашу проблематику из средневекового «далека» оказывается, что строго *исторический* и в особенности *историко-сравнительный* подход к генезису «национального» противоречит утвердившемуся в гуманитарных науках догмату о том, что понятия «народность», «этнос», «этничность», «нация», «natio» — в том понимании, какое в российской академической среде почти безраздельно господствует, — адекватны «реальности», с которой, как предполагается, хорошо знакомы медиевисты. Более того, еще более сомнительным оказывается догмат о «этничности», «протонациональных» и «национальных» идентичностях как о едва ли не «естественных» формах связей в человеческих сообществах... Доводов против господствующих в нашей среде стереотипов о «модерности» и «естественности» национального накопилось уже очень много. Один из главных доводов апеллирует к данным, которые показывают, что все основные представления и дискурсы, постулирующие, что существуют отличные друг от друга по языку, «нравам» и правовым институтам народы (то есть нации, если пользоваться современной терминологией), которые и создают (вместе с правителями) свои собственные особые же государства, — эти представления и дискурсы ясно выступают в культуре Европы уже в Средние века, задолго до *modernity*⁸. Возьмем как пример средневековую Францию.

«Французская нация» — средневековая и этническая?

Интересующий нас вопрос состоит в следующем: насколько характерны для французских средневековых источников те высказывания, которые говорят о подданных французских королей и о населении Франции как о носителях национально-этнической идентичности? И в самом ли деле

8. Вопрос о специфически западноевропейских («латинских») и именно средневековых истоках дискурсов «национального», которые сегодня представляются нам универсально-естественными (то есть не локальными и уж тем более не узко-локальными) и модерными (то есть постсредневековыми), стал точкой отсчета в международном исследовательском проекте «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции, протонациональные и национальные дискурсы в истории Европы» (Информация — на сайте Центра украинистики и белорусистики МГУ, www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel, раздел «Исследовательская программа “Confessiones et nationes”»).

логика построения дискурсов о французской идентичности в Средние века чем-то принципиально отличалась от логики представлений о той же идентичности в эпоху Французской революции и позднее? Начнем с вопроса, была ли у «французов» раннего Средневековья «своя собственная», идентитарно обособленная родина?

Уже в VI–VIII вв. есть голоса, которые восхищаются тем или иным «краем», «страной» (*le pays*), но они вовсе не подразумевают Францию в целом, а лишь тот или иной регион будущей Франции, а «родина» в текстах той эпохи не имеет отношения к Франции в нашем современном понимании. Григорий Турский пишет, что Хлодвиг вел войны с иными королями и подчинял себе их «родины» (*patrias subjugavit*) — отчины или вотчины, сказали бы мы, используя термины Древней Руси. Равным образом капитулярий Пипина III в 768 г. предписывает судить сообразно законам данной «родины» (*secundum legem ipsius patriae*). В IX в. Хинкмар Реймский употребляет выражение *patriotica lingua*, говоря о родном крае, а не о Франции в целом⁹.

В X в. ставший позднее папой Герберт Орильякский много путешествует и, как следствие, знает как слова *Gallia, Francia* и т. п., так и названия отдельных регионов, однако проблематика «национальных» различий не привлекает его внимания¹⁰; церковь для него — единое целое, а «национальные» версии христианства еще не существуют в воображении будущего папы. То же самое можно сказать и про Рихера Реймского¹¹, *patria* для него — это пока никак не Франция.

Хотя в текстах некоторых источников политическая карта Европы после Карла Великого может представляться состоящей из территорий, которые отличаются друг от друга *natione, lingua et habitu*, идеал империи все еще заслоняет «национальные» разделения. С другой стороны, заимствуя у Исидора Севильского определение племени и нации¹², все чаще такие средневековые авторы как Регинон Прюмский (ум. 915) считают уже самим собой понимающимся, что разные «нации» отличаются друг от друга «происхождением, нравами, языком и законами» (*genere, moribus, lingua, legibus*)¹³.

9. Цит. по: *Lestocquoy J. Histoire du patriotisme en France des origines à nos jours*. Paris, 1968. P. 20. В какой-то момент Григорий Турский, «сорвавшись», пишет: «Мне опостыло рассказывать о раздорах и междоусобных войнах, которые весьма ослабляют франкский народ и его королевство» (*Григорий Турский*. История франков / изд. подг. В. Д. Савукова. М., 1987. С. 115).

10. *Riché P. Expression du sentiment national dans la correspondance de Gerbert d'Aurillac et dans l'«Histoire» de Richer de Reims // Peuples du Moyen Âge. Problèmes d'identification. Séminaire Sociétés, Idéologies et Croyanances au Moyen Âge*. Aix-en-Provence, 1996. P. 131–143.

11. *Рихер Реймский*. История / изд. подг. А. В. Тарасова. М., 1997.

12. Исидор Севильский в девятой книге «Этимологий» («*Liber nonus. De linguis, gentibus, regnis, civibus, affinitatibus*») опирается на библейский миф о множественности народов, которые стали осколками человечества после греха вавилонского столпотворения. Он утверждает, что племена созданы многообразием языков («*Ideo autem prius de linguis, ac deinde de gentibus posuimus, quia ex linguis gentes, non ex gentibus linguae exortae sunt*»), отождествляет племя и «нацию» («*Gens est multitudo ab uno principio orta, sive ab alia natione secundum propriam collectionem distincta, ut Graeciae, Asiae; hinc et gentilitas dicitur. Gens autem appellata propter generationes familiarium, id est, a gignendo, sicut natio a nascendo*»: *Sancti Isidori Etymologiarum libri XX // Patrologiae cursus completus. Series Latina / acc. J.-P. Migne*. T. 82. Parisiis, 1850. Col. 328; «*Genus autem a gignendo et prognerando dictum, aut a definitione certorum prognatorum, ut nationes, quae propriis cognationibus terminatae, gentes apelantur*»: *Ibid*. Col. 349).

13 >

А «Песнь о Роланде», как кажется, уже вполне ясно отражает складывание представлений о «милой Франции» как родине французов. Это наблюдение позволило Марку Блоку говорить о «кристаллизации» национальных чувств около 1100 г., и его немецкий современник и коллега, не менее известный историк П. Шрамм писал о том же самом¹⁴. Однако дальнейшие исследования этого вопроса показали, что и Блок, и Шрамм были скорее неправы, чем правы: «Песнь о Роланде» еще не отражала становления широко распространенных «национальных» чувств. Тем не менее дискурсы «этнонациональной» идентификации подданных того или иного государства, уже массивно присутствовавшие в текстах, предшествовавших XII в., росли и в числе, и во влиянии, т. е. становились все более исторически-релевантными. Возможно, именно XII век можно было бы квалифицировать как переломный, а XIII век стал, кажется, поворотным в формировании дискурсов протонациональной «этнической» идентичности — и во Франции, и в «латинской» Европе вообще¹⁵.

С одной стороны, например, Жоффруа де Брей в хронике, написанной в конце XII в., заявляет, что она написана, чтобы прославить и Бога, и родину, но этой «родиной» оказывается не Франция в целом, а Лимузен¹⁶. С другой стороны, уже в XIII в., в эпоху Людовика Святого «о Франции и о французах стали говорить как о новом Израиле и новом народе Израилевом, то есть богоизбранных стране и народе»¹⁷. И несколько позднее Гильом Бретонский писал, что народ такого короля «может быть назван народом Израилевым», ибо «из совершенства короля проистекают все блага его подданных»¹⁸.

Жак де Витри в начале XIII в. перечислял «пороки» отдельных наций¹⁹, а во второй половине XIII в. «Большие французские хроники» («Les Grandes Chroniques de France»), завершенные около 1274 г. Приматом, монахом монастыря Сен-Дени, и написанные на французском языке, создают вполне гармоничную картину «национального» прошлого.

Согласно этому сочинению, основание французскому королевству положили троянцы, и «хотя эта нация была горда и жестока в отношении своих врагов, <...> она была милосердна

< 13. Reynolds S. Medieval "origines gentium" and the Community of the Realm // History. 1983. № 68(224). P. 383–384. Много позже, в начале XIV в., для Энгельберта Адмонтского было уже естественно писать, что политические объединения (королевства) отличаются друг от друга потому, что в их основе лежат разные «родины», языки, обычаи и законы, и, в идеале, каждое королевство должно опираться на один «народ» (Ibid. P. 388).

14. Вот характерное высказывание П. Шрамма: «Diese Welt der Dichtung, die den Laien und den Geistlichen zugleich vertraut war und in allen Schichten Echo fand, ist ein Spiegel der Zeit, der ihre Wünsche und Ideale verklärt: ihre religiösen und ethischen, ihre ständischen und auch – wie hätte es anders sein können (курсив мой. – М.Д.) – ihre nationalen» (Schramm P. E. Der König von Frankreich. Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert. Ein Kapitel aus der Geschichte des abendländischen Staates. Weimar, 1939. Bd. 1. S. 137).

15. Одна из самых убедительных работ на эту тему — книга польского историка Б. Зентары (Zientara B. Świat narodów europejskich. Powstanie świadomości narodowej na obszarze Europy pokarolińskiej. Warszawa, 1985; книга переведена и на немецкий язык). Результаты исследования Б. Зентары суммированы в статье на французском языке: Zientara B. La conscience nationale en Europe Occidentale au Moyen Âge. Naissance et mécanismes du phénomène // Acta Poloniae Historica. 1982. №46. P. 5–30. См. также: Eichenberger Th. Patria. Studien zur Bedeutung des Wortes im Mittelalter (6.–12. Jahrhundert). Sigmaringen, 1991. Среди недавних публикаций на эту тему: Nation et nations au Moyen Age. XLIVe Congrès de la SHMESP. Prague, 23–26 mai 2013. Paris, 2014; Этнос и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А.Хачатурян, Т.П.Гусаровой. СПб., 2015.

16. Lestocquoy J. Histoire du patriotisme en France. P. 25.

17, 18, 19 >

в отношении своих подданных и тех, кого она подчиняла»²⁰. В ходе веков территория «нации» увеличивалась, и «не без причины, потому что эта дама стояла выше других наций, ибо она не испытала долгого периода ни идолопоклонного рабства, ни неверия; услышав проповедь истины, она подчинилась создателю сразу, как только услышала его призыв... И вера христианская возбудила такую любовь и такую набожность, что с того времени, как [нация] подчинилась создателю, она более желала умножения веры, чем совершавшегося расширения своего земного владычества. И если наш Господь дал ей своей милостью прерогативы и преимущества в отношении всех других земель и всех иных наций, это произошло потому, что приняв крещение и начав служить своему создателю, вера стала здесь исповедоваться более ревностно и более неуклонно, чем в любой другой земле; верую она [нация] умножается, верую защищается, верую поддерживается. И если какая-либо иная нация наносит ущерб Святой Церкви, Франция принимает ее жалобы, Франция поднимает меч и глефу, чтобы за нее отомстить, Франция как верная дочь утоляет все нужды своей матери»²¹.

Отдельная глава в «Больших французских хрониках» посвящена теме «Как французы произошли от троянцев»: в ней излагается история Франсиона и разбираются мнения, почему французов стали называть французами, и далее именно «французы» выступают главными действующими лицами хроники²². После завоевания Германии здесь осталось не все племя (*toute cele gent ne demeura pas en celui pais*), но часть его двинулась в Галлию, где была основана Лютетия (будущий Париж). В какой-то момент во Францию прибыл Мархомир (*Marchomires*), один из потомков троянцев и самого царя Приама, и он был принят «своим племенем» (*sa gent*), и все они были «одним народом и одним племенем» (*si furent tout I poples et une gent*)²³. Хлодвиг в момент крещения обращался к своему «народу» и своим «баронам» (*li poples et li baron*) со словами: «Господа французы, вы происходите от великого рода троянцев, и вы должны помнить о достоинстве вашего имени и вашего рода»²⁴. Святой Ремигий возрадовался, когда «увидел в новообращенном короле апостола своего племени»²⁵.

< 17. Малинин Ю.П. Людовик Святой // Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / изд. подг. Г.Ф.Цыбулько, Ю.П.Малинин, А.Ю.Карачинский. СПб., 2007. С. 242.

< 18. Цит. по: Малинин Ю.П. Людовик Святой, С. 242.

< 19. *Obolensky D. Nationalism in Eastern Europe in the Middle Ages // Obolensky D. The Byzantine Inheritance of Eastern Europe. London, 1982. Pt. XV. P. 4* (со ссылкой на: *Lemberg E. Geschichte des Nationalismus in Europa. Stuttgart, 1950. S. 26*).

20. *Les Grandes Chroniques de France. T. 1. Des origines à Clotaire II / publ. par J. Viard. Paris, 1920. P. 4.*

21. *Ibid.* P. 4–5.

22. *Ibid.* P. 25, 41 и далее.

23. *Ibid.* P. 19.

24. *Ibid.* P. 69.

25. *Ibid.* P. 70.

Соответственно, и соседи, и враги «французов» тоже понимаются как «племена»: например, «племя» короля Алариха было побеждено; «даны — племя, которое не может пребывать в мире»; «не было нации или племени в соседней Италии, с кем бы он не был породнен»; вандалы были племенем «сильным, гордым и воинственным»; борьба с саксами была особенно долгой для «народа Франции», потому что «саксы» жестоки по природе и во времена войн с французами были еще язычниками и «врагами нашей веры»²⁶. Крещение никак не ставит под сомнение «племенную» идентичность «французов» и других народов; переселяемые во Францию саксы, после крещения жившие среди «французов», становятся частью того же народа и того же племени²⁷. В целом, как мы видим, в конце XIII в. «Большие французские хроники» дают вполне однозначный пример проецирования племенных и родовых начал на политическое сообщество «французов»... Разве не по этой же, проторенной уже в Средние века, дорожке пойдут и идеологи этнонационализма в XIX в.?

В начале XIV в. папа Климент V (француз по происхождению) писал как о само собой разумеющемся, что различные королевства основываются богом как политические образования различных же народов в соответствии с разделением на языки и племена; а королевство Франции, подобно тому, как это было у «народа израильского», воздвигнуто для особого богоизбранного народа²⁸. Во второй половине XIV в. Лоран де Премьерфэ (Laurent de Premierfait) называл себя «урожденным французом» и противопоставлял свой «родной» язык латыни²⁹.

Уже с конца XII в. «родной язык» начинает противопоставляться латинскому языку школьного обучения, и на рубеже XIV в. понятие «родной язык» под пером Данте и Пьера Дюбуа приобретает современный смысл³⁰. Поэтому К. Бон, автор большой книги «Рождение французской нации», скорее всего, совершенно права, когда пишет, что в XIV в. «утвердилась мысль, что и природой, и Божьей волей люди одного языка объединяются в одном государстве»³¹. Та же тенденция прочно укореняется в XV в. Так, в середине этого

26. Les Grandes Chroniques de France. T. 1. P. 80, 96, 104, 109; Les Grandes Chroniques de France. T. 3. Charlemagne / publ. par J. Viard. Paris, 1923. P. 10.

27. Ibid. P. 11.

28. «Rex glorie <...> in huius orbis orbita diversa regna constituit, diversorum populorum regimina secundum divisiones linguarum et gentium stabilivit, inter quos sicut israeliticus populus <...> sic regnum Francie in peculiarem populum electus a Domino in executione mandatorum celestium specialis honoris et gratie titulis insignitur». Цит. по: Strayer J.-Ph. France: The Holy Land, the Chosen People and the most Christian King // Action and Conviction in Early Modern Europe. Essays in Memory of E. H. Harbison / ed. by T. Rabb and J. Seigel. Princeton, 1969. P. 15, note 51.

29. Beaune C. Naissance de la nation France. Paris, 1985. P. 402.

30. Ibid.: «La langue est donc devenue dès 1300 l'un des caractères distinctifs de la nation, en tout cas un objet d'amour».

31. «On se mit à penser que nature comme Dieu voulaient que les peuples de même langue soient réunis dans le même Etat». Цит. по: Beaune C. Naissance de la nation France. P. 402–403:

столетия Эро Берри (Hérait Berry) констатирует, что в Бургундии и в Савойе, составлявших тогда часть Империи, говорят по-французски, и это видится ему сильным аргументом в пользу возвращения данных территорий в состав Французского королевства. Позднее Лотарингия рассматривается как часть Франции, потому что в ней говорят на «языке *oui*, а не на немецком»³².

Характерным и релевантным примером развитости дискурсов «этнонациональной» идентичности могут послужить пропагандистские сочинения эпохи Столетней войны (уже во второй четверти XIV в. Фруассар также спонтанно рассуждал о «природе и нраве англичан»)³³. Так, в помфлете, созданном анонимным автором около 1418–1419 гг., передается история переселения предков французов из Трои, прибытия Франсиона в Галлию, которая с того момента и стала называться Францией, и повествование о переименовании Лютеции в Париж по той причине, что Франсион был сыном Париса. После основания Парижа «французы» (*les François*) освободились от дани, которую прежде платили римлянам, а потом и от власти «рыцарства» (*de chevalerie*) и навсегда сохранили эту свободу, подтвержденную многими римскими императорами³⁴. Позднее в какой-то момент «французы — как и другие нации — захотели иметь королей, тогда как прежде у них были только вожди». Королем стал Фарамон, но он не был еще христианином. Хлодвиг же был коронован как «первый христианский король французов»³⁵. Далее во всем тексте постоянно употребляется термин «французы», противопоставленный «англичанам». Последние охарактеризованы как «проклятая секта», которой присущи самые ужасающие пороки; они «по природе» похожи на «хищных птиц, питающихся падалью»; они противостоят добру и истине и «подобны хищным волкам, заносчивым и надутым»; это тираны и преследователи христиан, «они пьют и поглощают человеческую кровь», живя за счет «простодушных и славных соседей»³⁶. Франция же уподоблена матери «своего народа», который вместе с ней подвергается агрессии «врагов-иностранцев»³⁷.

32. *Beaune C. Naissance de la nation France. P. 403.*

33. *Фруассар Ж. Хроники. 1325–1340 / пер. и примечания М.В.Аникеева. СПб., 2009 (этой теме посвящена вторая глава «Хроник»).*

34. «Ont toujours deffendu leurdict franchise. Laquelle leur a este confermee par plusieurs des empereurs de Romme». Цит. по: «Débats et appointements» // «L'honneur de la couronne de France». *Quatre libelles contre les Anglais (vers 1418 – vers 1429) / edités par N. Pons. Paris, 1990. P. 47.*

35. *Ibid. P. 47.*

36. *Ibid. P. 66–67: «Mais ilz sont ung sept [в других списках употреблены слова «une secte» — примечание публикатора Н. Понс] de gens maudite, contredisans a tout bien et a toute raison, loups ravissans, orgueilleux, pompeux, papelars, decevans et sans conscience, tirans et persecuteurs de chrestiens, et qui boivent et transgloutissent le sang humain, ressemblans a la nature des oyseaulx de proye qui vivent de rapine et aux despens a leurs simples et debonnaires voisins».*

37. *Ibid. P. 69: «Las! Et comment pourroy donc resister contre mesdiz ennemis? Mon peuple est destruit et devise <...> Que ferai ge doncques a present? Si ge metctz estrangiers en besoigne, espoir qu'ilz s'enfuiron, car a la plus grant partie d'eulx ne chault que de rober mon peuple. Se je ne me deffens, mes ennemis me destruiront. Las! Et que ferai ge? Je suys aussi comme une pouvre femme veufve qui n'a point de confort».*

38. > «Reponse d'un bon et loyal François au peuple de France de tous estats» // «L'honneur de la couronne de France». *Quatre libelles contre les Anglais... P. 123–133.*

В сочинении, выразительно названном «Ответ добропорядочного и лояльного Француза народу Франции из всех сословий»³⁸ (ок. 1420 г.), «нация» французов совершенно отчетливо противопоставлена англичанам как «извечным иностранным смертельным врагам» «благороднейшего и христианнейшего Французского королевства». Англичане при этом названы «настолько хищным и грубым племенем, что принадлежащие им животные более почтенны, чем люди»³⁹. При этом автор исходит из такого определения нации, которое ничем принципиальным не отличается от «модерного» надсословного понимания нации⁴⁰.

В еще одном памфлете целый раздел посвящен порокам англичан, причем эти пороки вменяются им как нации⁴¹. В частности, англичане обвинены в том, что они часто убивали своих королей, и им приписана ненависть к миру с соседями⁴². Войну против неверных они обратили в войну «contra christianissimos Francos»⁴³. А уже после окончания Столетней войны, в 1495 г., Карл VIII писал из Неаполя, что одержанные победы касаются не его одного: «благодаря им нация приобретает большую честь и авторитет»⁴⁴.

Итак, вряд ли ошибается К. Бон, когда пишет, что начиная с XV в., «национальное чувство стало вполне осознанным. Нация, наконец, обрела свое лицо. Она видится матерью, ради которой все французы должны пожертвовать жизнью, коли необходимо. Национальная идеология приобрела связность и внутреннее единство»⁴⁵. При этом, в отличие от других французских историков, К. Бон не ставит под сомнение, что это «национальное чувство», конструируемое от поколения к поколению, было и этническим⁴⁶. Продолжая, она констатирует, что «Франция — это, во-первых, сообщество французов, которые жили прежде, живут теперь и рождаются в будущем. Хотя и разделенная на три сословия <...>, она включает всех и каждого. В категориях Средневековья нация — это “раса”⁴⁷. Этим объясняется витальность троянского мифа. Единство крови объясняет общие врожденные черты населения, воинские достоинства и чистоту веры»⁴⁸.

< 38.

39. Ibid, P. 122: «Reponse d'un bon et loyal François au peuple de France de tous estats»; «Considerez les fleurs de lis, vous, vrayz Francois, du royaume. Considerez l'iniquite du tres pervers traictie que les Anglois, anciens ennemis des fleurs de lis, ont demande en latin <...>; considerez comme tout tend a la totale destruccion et eradication des fleurs de lis et a la subversion des tres noble et tres chrestien royaume de France par ses anciens et estranges ennemis mortelz anglois, lesquelz, dist un historion nomme Pomponius, que c'est une gent si felonne et brutale que leurs bestes sont plus debonnairees que les hommes».

40. Ibid. P. 131: «L'honneur des fleurs de lis et de la couronne de France s'estent non pas seulement au roy, a la royne et a leurs enfans, mais a tous ceulx de la royale maison de France presens et a venire, comme nepveux, cousins, niepces, cousines et plus generalement a tous les trois estaz du royaume de France selon divers degrez et obligations» (курсив мой.—М.Д.).

41. «Fluxo biennali spacio» // «L'honneur de la couronne de France». Quatre libelles contre les Anglais... P. 173–201. Это вторая часть более пространного текста, известного как «Диалог француза и англичанина», где «англичане» представлены как слуги Антихриста.

42. Ibid. P. 194: [Персонаж диалога, «француз», восклицает:] «Quare querries de pace, cum illius semper fueritis inimici et raptores, tanquam non homines bone voluntatis quibus solis pax a Christo legata est».

43. Ibid. P. 182.

44. Decimon R., Guery A. Un État des temps modernes? // Decimon R., Guery A., Le Goff J. La Longue durée de l'État. Paris, 2000. P. 367: «La nation y a acquis largement de l'honneur et de la renommée».

45. Beaune C. Naissance de la nation France. P. 459–460: «Le sentiment national est désormais très conscient. La nation a enfin acquis une figure propre. Elle est devenue la mère à laquelle tous les Français doivent sacrifier leur vie, si nécessaire. L'idéologie nationale a gagné en cohérence et en unité».

47, 48, 49 >

Констатируя (или хотя бы предполагая), что *модерные* и *современные* дискурсы этнонациональной идентичности каким-то образом связаны с именно *средневековыми* культурными традициями, мы задаемся вопросом: в чем именно и насколько прочно наши нынешние представления о нациях и народах и современные национализмы сохраняют связь со *средневековыми* традициями, оставаясь в каком-то смысле *средневековыми*, а вовсе не *модерными* и, тем более, не *современными* конструктами?⁴⁹

Соответственно, если сомнения в «модерности» этих представлений обоснованы, нужно выяснить, почему этнонациональная легитимация политических сообществ родилась именно в *Средние века* и именно на «латинском» Западе⁵⁰. Понятие «Средние века» оказывается, таким образом, очень *удобным* и уже поэтому *нужным*... Но оно нужно еще и потому, что позволяет локализовать и во времени, и в пространстве зарождение феномена, который в XIX–XX вв. стал основополагающей структурой всего мирового порядка. И если окажется, что «*национальное*» и есть — в самом деле — продукт «*мрачного Средневековья*», этот нудно-академический тезис

будет иметь немалое (хотя и очень рискованное)
аксиологически-воспитательное
значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Григорий Турский. История франков / изд. подг. В. Д. Савукова. Москва: Наука, 1987.
2. Рихер Реймский. История / изд. подг. А. В. Тарасова. Москва: Росспэн, 1997.
3. Фруассар Ж. Хроники. 1325–1340 / пер. и примеч. М. В. Аникеева. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2009.
4. Les Grandes Chroniques de France. T. 1. Des origines à Clotaire II / publ. par J. Viard. Paris: Société de l'Histoire de France, 1920.

< 46. Beaune C. Naissance de la nation France. P. 455: «Le sentiment national français est à la fois ethnique et territorial, coïncidence d'un peuple et d'un pays, coïncidence construite par des générations successives et qui ne résulte nullement d'un état de fait».

< 47. В контексте французского языка «этнос» понимается как «расовое» явление.

< 48. Beaune C. Naissance de la nation France. P. 455: «La France, c'est d'abord l'ensemble des Français passés, présents et à venir. Bien que hiérarchisée en trois états <...>, formes traditionnelles de la société politique, elle englobe tout un chacun. Pour le Moyen Âge, la nation est une race. La vitalité du mythe troyen trouve là sa justification. L'unicité du sang explique les qualités innées et communes de la population, la valeur militaire ou la pureté de la foi».

49. Сомнения такого рода ярко изложил в небольшой книге известный медиевист П. Гири: Geary P. J. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002. Перевод его книги на немецкий: Geary P. Europäische Völker im frühen Mittelalter. Zur Legende vom Werden der Nationen. Frankfurt am Main, 2002.

50. Собственно, к этому и ведут исследования т.н. Венской школы исторической этнографии, см.: Strategies of Distinctions: The Construction of Ethnic Communities, 300–800. Leiden; Boston; Köln, 1998. Краткая справка о «Венской школе»: Дмитриев М. В. Проблематика исследовательского проекта «*Confessiones et nationes*. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. М., 2008. С. 23–31.

5. Les Grandes Chroniques de France. T. 3. Charlemagne / publ. par J. Viard. Paris: Société de l'Histoire de France, 1923.
6. «L'honneur de la couronne de France». Quatre libelles contre les Anglais (vers 1418 – vers 1429) / ed. par N. Pons. Paris: Klincksieck, 1990.
7. *Sancti Isidori Etymologiarum libri XX // Patrologiae cursus completus. Series Latina* / acc. J.-P. Migne. T. 82. Parisiis: J.-P. Migne, 1850.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Москва: Наука, 1983.
2. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). Москва: Наука, 1981.
3. Дмитриев М. В. Проблематика исследовательского проекта «*Confessiones et nationes*. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время / под ред. М. В. Дмитриева. Москва: Индрик, 2008. С. 23–31.
4. Малинин Ю. П. Людовик Святой // Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / изд. подг. Г.Ф.Цыбулько, Ю.П.Малинин, А.Ю.Карачинский. Санкт-Петербург: Евразия, 2007.
5. Этнос и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А.Хачатурян, Т.П.Гусаровой. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015.
6. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised ed. London; New York: Verso, 1991.
7. Beaune C. *Naissance de la nation France*. Paris: Gallimard, 1985.
8. Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
9. Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester: Manchester University Press, 1982.
10. Connor W. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding*. Princeton: Princeton University Press, 1994.
11. Decimon R., Guery A. Un État des temps modernes? // Decimon R., Guery A., Le Goff J. *La Longue durée de l'État*. Paris: Seuil, 2000. P. 209–503.
12. Eichenberger Th. *Patria: Studien zur Bedeutung des Wortes im Mittelalter (6.–12. Jahrhundert)*. Sigmaringen: Thorbecke, 1991.
13. *Nation et nations au Moyen Age: Actes du XLIVe Congrès de la SHMESP*. Prague, 23–26 mai 2013. Paris: Publication de la Sorbonne, 2014.

14. *Forné J.* Les nationalismes identitaires en Europe: Les deux faces de Janus. Paris: L'Harmattan, 1994.
15. *Geary P. J.* The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton: Princeton University Press, 2002.
16. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1981.
17. *Hobsbawm E. J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
18. *Kohn H.* The Idea of Nationalism: A Study of its Origins and Background. New York: Macmillan, 1961.
19. *Lestocquoy J.* Histoire du patriotisme en France des origines à nos jours. Paris: Albin Michel, 1968.
20. *Llobera J. R.* The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe. Oxford; Providence: Berg, 1994.
21. *Obolensky D.* Nationalism in Eastern Europe in the Middle Ages // Obolensky D. The Byzantine Inheritance of Eastern Europe. London: Variorum Reprints, 1982. P. 1–16.
22. *Reynolds S.* Medieval “origines gentium” and the Community of the Realm // History. 1983. № 68(224). P. 383–384.
23. *Riché P.* Expression du sentiment national dans la correspondance de Gerbert d'Aurillac et dans l' «Histoire» de Richer de Reims // Peuples du Moyen Âge. Problèmes d'identification. Séminaire Sociétés, Idéologies et Croyances au Moyen Âge / dir. par C. Carozzi, H. Taviani-Carozzi. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1996. P. 131–143.
24. *Schramm P. E.* Der König von Frankreich. Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert. Ein Kapitel aus der Geschichte des abendländischen Staates. Bd. 1. Weimar: H. Böhlau Nachf., 1939.
25. *Smith A.* Chosen Peoples. Oxford: Oxford University Press, 2003.
26. *Smith A.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Oxford University Press, 1986.
27. *Smith A.* The Genealogy of Nations: An Ethno-symbolic Approach // When is the Nation? Towards an Understanding of Theories of Nationalism / ed. by A. Ichijo, G. Uzelac. London: Routledge, 2005. P. 94–112.
28. *Smith A.* Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge: Polity Press, 2001.
29. *Smith A.* Social and Religious Origins of Nations // The Rights of Nations: Nations and Nationalism in a Changing World / ed. by D. M. Clar, Ch. Jones. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 26–44.
30. *Smith A.* Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. London: Routledge, 1998.
31. Strategies of Distinctions: The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / ed. by W. Pohl, H. Reimitz. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998.

32. *Strayer J.-Ph.* France: The Holy Land, the Chosen People and the Most Christian King // Action and Conviction in Early Modern Europe: Essays in Memory of E. H. Harbison / ed. by Th. Rabb, J. Seigel. Princeton: Princeton University Press, 1969.
33. *Zientara B.* La conscience nationale en Europe Occidentale au Moyen Âge. Naissance et mécanismes du phénomène // Acta Poloniae Historica. 1982. № 46. S. 5–30.
34. *Zientara B.* Świt narodów europejskich. Powstawanie świadomości narodowej na obszarze Europy pokarolińskiej. Warszawa: PIW, 1985.

